

О РУТ
ОЗЕКИ

Тайм-код
лица

18+

От автора бестселлера «Моя рыба будет жить»

Большие романы

Рут Озеки

Тайм-код лица

«Издательство АСТ»

2015

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

Озеки Р.

Тайм-код лица / Р. Озеки — «Издательство АСТ»,
2015 — (Большие романы)

ISBN 978-5-17-148644-0

Когда мы смотримся в зеркало, то видим лишь образ, который являем миру. Но какие мы на самом деле? Что скрывается за внешним обликом? Героиня разглядывает свое отражение в зеркале и начинает вспоминать прошлое. Она думает обо всех тех мелких и больших событиях, которые повлияли на нее и сделали такой, какой она есть сейчас: о необычном детстве, о первом любовном опыте, об удивительных корнях (мать японка, отец американец), о масках японского театра Но, о погружении в религию и о многом другом. На стыке двух культур, словно между мирами, она пытается познать себя и проживает яркую и интересную жизнь. Но что будет с ней дальше и примет ли она себя такой, какая она есть?

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-148644-0

© Озеки Р., 2015

© Издательство АСТ, 2015

Содержание

Пролог: коан	7
Тайм-код[2]	9
Эксперимент	11
Тайм-код	14
Классификация «На глазок»	17
Тайм-код	19
Истинное лицо	22
Тайм-код	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Рут Озеки Тайм-код лица

Ruth Ozeki
The Face: A Time Code

Серия «Большие романы»

This edition is published by arrangement with Canongate Books Ltd,
14 High Street, Edinburgh EH1 1TE and The Van Lear Agency LLC
First published in English as The Face: A Time Code
by Restless Books, Brooklyn, NY, 2015

Перевод с английского Александра Яковлева

© Ruth Ozeki Lounsbury, 2015
© Яковлев А., перевод, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Пролог: коан

- *Как выглядело твое лицо до рождения твоих родителей?*

Впервые я прочитала этот коан¹, когда мне было восемь или девять лет. Кто-то подарил мне маленькую книжку под названием «Дзен-буддизм» – а может быть, то была книга моих родителей, а я забрала ее с их полки себе. Книжка была маленькой и тонкой – идеальный размер для ребенка, но что более важно, у нее было дружелюбное лицо, выделявшееся среди других, более скучных книг на родительских полках. Лицо книги – это ее обложка, и она мне понравилась: простые цветы на неярком оранжевом фоне. В верхнем правом углу – черный прямоугольник, а на нем большими белыми буквами название: ДЗЕН. Набранные красивым шрифтом, словно выведенные пером от руки размашистым почерком, эти буквы были похожи на танцующих призраков. А внизу, очень маленькими заглавными буквами – «БУДДИЗМ».

Под обложкой обнаружился подзаголовок: *«Введение в дзен-буддизм с рассказами, притчами и коанами (загадками учителей дзен), иллюстрированное старинными китайскими рисунками тушью»*. Слишком длинный подзаголовок для такой маленькой книжки. Вышла она в 1959 году в издательстве «Питер Паупер Пресс»; я это знаю, потому что искала в Интернете изображение «маленькой оранжевой книги по дзен-буддизму» – и вот оно передо мной: знакомое, мгновенно узнаваемое лицо спустя полвека смотрит на меня с экрана компьютера.

Эта маленькая книжка стала моим талисманом, учителем, вратами. В ней было множество кратких притчеобразных историй о древних учителях дзен-буддизма, задававших парадоксальные вопросы, которые так потрясли представления девятилетней девочки о рассудительном повествовании, так увлекли и озадачили сразу, что я решила: это, наверное, очень мудрая и глубокомысленная книга.

- *Как звучит хлопок одной ладони?*
- *Как ухватить Пустоту?*
- *Есть ли у собаки буддийская природа?*
- *Если нет ни «тебя», ни «меня», кто же тогда ищет Путь?*

Перечисленные вот так подряд, эти коаны могут показаться однообразными, но для меня они стали открытием. Эти сумасшедшие древние учителя дзен-буддизма с этими их метелками и посохами все время откалывали какие-то номера: отвечивали друг другу пощечины, заковывали себя в наручники, отрезали себе руки и веки, дергали друг друга за уши и носы... Они подходили мне, девятилетней, как никто другой.

¹ Краткое парадоксальное высказывание, используемое в буддизме для медитации. (Прим. перев.)

- *Какое у тебя истинное лицо?*

Я читала эти коаны со всей серьезностью, пытаясь найти ответ.

Тайм-код² 00:00:00

00:00:00 Итак, я поставила на алтарь, где раньше сидел Будда, зеркало. Чуть ниже – ноутбук. Вожусь теперь с подушками, устраиваю себе сиденье поудобней. На каком расстоянии сесть? Какую степень близости смогу я выдержать? Каким должно быть освещение? Щадящим? Безжалостным? Имеет ли это значение? Может, надеть водолазку, чтобы закрыть морщины на шее? От кого я собираюсь их прятать? Считается ли шея частью лица и не помыть ли голову? Надеть ли очки для чтения, нужны ли они мне, чтобы набирать текст? Нет. Никаких очков. Мне нет нужды смотреть на экран. Мне нужно только лицо – и мое отражение в зеркале.

00:04:14 Ну, вот. Я готова. Стоп, нет, зеркало слегка запылилось. Нужно протереть. Есть ли у меня укус? Да, он под раковиной.

00:07:26 Все, на зеркале ни пятнышка.

00:08:56 С чего начнем?

² Цифровой сигнал, присваивающий каждому видеокадру номер с указанием часов, минут и секунд.

Эксперимент

Эксперимент прост: сидя перед зеркалом, смотреть на свое лицо в течение трех часов. Это как бы вариант эксперимента по наблюдению, о котором я узнала из статьи гарвардского профессора истории искусств и архитектуры Дженнифер Л. Робертс «Сила терпения»³, о педагогических достоинствах «погружения во внимание». В своей статье профессор Робертс описывает задание, которое она каждый год дает студентам: пойти в музей или галерею, провести три полных часа, глядя на какое-нибудь одно произведение искусства, и составить подробный отчет о наблюдениях, вопросах и предположениях, которые возникли у них за это время. Трехчасовым, по ее собственному признанию, задание сделано для того, чтобы оно ощущалось как слишком долгое. Даже «мучительно» долгое – она использует это слово, утверждая, что менее болезненное упражнение не принесет пользы от погружения во внимание, которому она пытается научить. Картины – это «батареи времени», пишет она, цитируя искусствоведа Дэвида Джозелита. Это «немеренные запасы» временного опыта и информации, которую можно извлечь и разархивировать лишь с использованием навыков медленной обработки и стратегического терпения – умений, которые атрофируются в нашу торопливую эпоху. Робертс пытается помочь ученикам восстановить ряд захиревших навыков, чтобы они научились не просто смотреть на искусство, но и видеть его.

Мое лицо – не произведение искусства. У меня нет причин смотреть на него – разве убедиться, что в зубах не застрял кусок шпината. Косметикой я редко пользуюсь. Волосы, по моему, уже сами как могут о себе заботятся. Но после прочтения статьи профессора Робертс мне пришло в голову, что лицо – это тоже батарея времени и запас опыта, и мне стало интересно, что может мне открыться в моем пятидесятидевятилетнем лице, если я смогу смотреть на него в течение трех часов – надо сказать, и правда мучительно долгий отрезок времени.

³ Jennifer L. Roberts. The Power of Patience, Harvard Magazine (November-December, 2013). (Прим. автора)

С годами мои взаимоотношения с собственным отражением менялись. В детстве я была к нему равнодушна. Став постарше, я стеснялась и избегала своего отражения, но в подростковом периоде стала проводить уйму времени перед зеркалами, тщательно изучая каждую пору и волосяную луковичу и вступая в детальные, если не сказать микроскопические отношения с каждым участком своей кожи. Думаю, в этом я не отличалась от большинства американских подростков. Неотступное самосозерцание продолжалось и в первые годы взросления, но затем пошло на убыль. Сегодня, хоть я еще поглядываю на свое отражение в витринах магазинов и смотрю на свое лицо, когда умываюсь и чищу зубы, перед зеркалами я провожу очень мало времени. А все же за всю жизнь это сколько набирается? Сотни часов? Дни, недели или даже месяцы?

В общем, лишних три часа вполне можно вытерпеть. Но начинать ужасно не хочется. Это что, тщеславие? Борьба с тщеславием? Кто знает? И вообще, как выглядит тщеславное самолюбование в пятьдесят девять лет? Пятьдесят девять – трудный возраст для лица. Менопауза наносит страшный удар по самоощущению, перемены происходят быстро и по нарастающей. Это как половое созревание наоборот. В свои пятьдесят девять лет, просыпаясь утром, я никогда точно не знаю, каким окажется мое лицо.

Свет мой зеркальце, скажи, кто на свете всех милее, бормочет стареющая королева.

Во всех сказках говорится, что тщеславное самолюбование у старухи – это в лучшем случае печально и неприлично, а в худшем – смешно или даже гадко. Приближаясь к своему шестидесятилетию, я чувствую, что от вопроса: «Я все еще хороша?» – мне пора потихоньку переходить к более экзистенциальному: «Я все еще здесь?» Может, хоть тогда взгляд на себя в зеркало будет в какой-то степени утешать.

Но все же недавно я поймала себя на том, что поспешно отвожу взгляд, увидев свое лицо в витрине магазина. И когда чищу зубы, тоже часто поворачиваюсь спиной к зеркалу или сосредотачиваю внимание на какой-нибудь детали, дефекте или пятнышке, а не на отражении в целом. Не могу сказать, что мне не нравится увиденное в зеркале, хотя нередко отчасти так и есть. Скорее, дело в том, что я уже не вполне узнаю себя в своем отражении и поэтому каждый раз пугаюсь. Отводить взгляд – это у меня рефлекторное, своего рода «эффект зловещей долины»⁴ при виде этого человека, который уже не совсем я.

Ведь это невежливо – глазеть на незнакомых людей.

В дзен-буддизме непостоянство является первым из трех признаков существования. Все меняется, ничто не остается неизменным. Второй признак существования – это отсутствие «я», являющееся следствием первого: если все меняется и ничто не остается неизменным, тогда нет такой вещи, как постоянное «я». «Я» – преходящее понятие, это история, привязанная к своему положению в пространстве и времени. Страдание, третий признак существования, вполне логично вытекает из первых двух. Мы не любим непостоянства, мы хотим быть кем-то, неким стабильным «я», и мы хотим, чтобы оно существовало вечно. Будучи лишены этой неизменности, мы страдаем.

Преподавая ученикам три признака существования, Будда поручал им упражнение на наблюдение, схожее с упражнением профессора Робертс. Только он отправлял своих учеников медитировать не в картинную галерею, а на кладбище, велел им созерцать трупы на различных стадиях разложения –

⁴ Эффект «зловещей долины» – гипотетическая негативная зависимость реакции психики на схожесть объекта, в частности, робота с человеком: когда в опытах японского инженера Масахиро Мори отличия становились минимальными, но все же оставались, на графике позитивного отношения испытуемых к увиденному отмечался резкий спад, который и был назван «зловещей долиной». (Прим. перев.)

...через день, два или три после смерти, раздутая, багровая и сочащаяся плоть... пожираемая воронами, ястребами, стервятниками, собаками, шакалами или различными видами червей... остов, покрытый плотью и кровью, скрепленный сухожилиями... скелет без плоти, измазанный кровью, скрепленный сухожилиями... скелет без плоти и крови, скрепленный сухожилиями... разрозненные кости, разбросанные во все стороны... кости, высохшие добела, цвета ракушек... груды костей возрастом более года... кости сгнили и рассыпались в пыль...⁵

Такой вот натюрморт. Стратегия Будды состояла в том, чтобы ученики могли противостоять тому, что пугало их и вызывало отвращение, чтобы они научились видеть реальность в действии и тем самым понять истину о трех признаках существования. Он надеялся, что эта доза реальности освободит их от страданий, вызванных обманчивой привязанностью к тому, что не является неизменным, постоянным, реальным.

Мое лицо – не произведение искусства, но и для захоронения оно еще не совсем готово. Медитация на него в течение трех часов, какой бы мучительной она ни была, не эквивалентна тому, что предлагал Будда, но ведь и цели у меня более скромные. Я не ищу освобождения или просветления. Я просто пытаюсь написать эссе о своем лице, и ведение хронометража при этом показалось мне неплохим отправным пунктом. А поскольку это медитативное упражнение, я решила провести свой эксперимент перед маленьким буддийским алтарем, где медитирую каждый день. Я села на подушку и посмотрела в зеркало. Оно стояло на том месте, где должна находиться статуя Будды, и я почувствовала себя глупо и показалась себе немножко преступницей. Буддизм – нетеистическая религия. В статуе Будды нет ничего изначально святого. Будда ведь не Бог. Буддизм учит, что мы все будды, потому что во всех нас есть природа будды. Если это так, то заменить Будду зеркалом и смотреться в него – в принципе, должно быть нормально. Возможно, чересчур буквально получается, но с точки зрения доктрины и теории проблемы тут нет. Так почему же я чувствую себя так неудобно, как будто совершаю некий акт буддийского святотатства?

⁵ Mahasatipatthana Sutta, vi. Navasivathika Pabba [Section on Nine Stages of Corpses]. (Прим. авт.)

Тайм-код 00:10:12

00:10:12 Разглядываю свое лицо – и понимаю, что хочу потрогать его. Потрогать шрам на лбу, прыщ на подбородке, потереть нос, глаза, почесать щеку... Возникло ощущение, что все – лицо, волосы, воротник – выглядит неправильно, и хочется все это исправить. Я провожу рукой по волосам, убирая их с лица. Они снова опускаются вперед, как занавес. Пытаются прикрыть меня, защитить от себя самой. Как это мило. Я провела большую часть жизни, прячась за этой занавеской из волос.

00:13:02 Когда я смотрю себе в глаза, мне трудно отвести взгляд. Глаза определяют лицо. Если бы мы не были настолько визуальными существами и получали бы информацию каким-то другим способом, наверное, нам не нужны были бы лица. Деревьям вот не нужны лица. Медузам не нужны. А ромашкам нужны, хоть у них и нет глаз, так что, вероятно, эта мысль была ошибочной.

00:14:37 Продолжаю смотреть себе в глаза. Они грустные. Серьезные. Карие. По бокам скошены вниз. Гораздо сильнее, оказывается, под большим углом, чем мне представлялось. Может быть, мои глаза изменились? Веки точно стали тяжелее. Складки кожи почти касаются ресниц. Правый глаз и левый глаз заметно отличаются друг от друга. Левый глаз выглядит немного более азиатским. На правом внутренний угол четче выражен, отчего он выглядит более европеоидным. Раньше я замечала это, когда подводила глаза. Но вот чего я никогда раньше не замечала, по крайней мере, не признавалась себе в этом: у меня есть любимчик. Правый глаз мне всегда нравился чуточку больше, чем левый. Я предпочитаю свой европеоидный глаз азиатскому. Странно.

Классификация «На глазок»

В детстве мы со сверстниками хорошо знали, что у азиатов раскосые глаза. Мы четко знали, что у китайцев глаза скошены кверху, а у японцев – книзу. В школе мы часто играли на эту тему. Прикладывая пальцы к внешним уголкам глаз, мы оттягивали их вверх и говорили нараспев: «Чай-ни-и!» Потом мы опускали уголки глаз вниз и тянули: «Джапа-ни-и!»⁶ Наконец, приподнимали один угол и опускали другой, делая глаза несимметрично раскосыми, и кричали: «Середка-на-половинку!» Я кричала громче всех, потому что я была ключевой фразой этой игры. Все это знали, и поэтому я чувствовала себя особенной, немножко стеснялась и немножко гордилась.

Конечно, ни в этой шутке, ни в «ключевой фразе» не было ни доли истины. Глаза у китайцев не скошены кверху, а у японцев – книзу, и мои глаза не наклонены в разные стороны, и китайской половины во мне тоже нет. Мой отец был белым американцем англосаксонского и североευропейского происхождения. Мать была этнической японкой и имела японское гражданство, но к моменту моего появления на свет успела получить американское. В моем свидетельстве о рождении раса моего отца записана как «белая», а раса матери – «желтая».

Я привыкла считать себя наполовину японкой, хотя понятие «наполовину» поначалу приводило меня в замешательство. На какую половину? Какая половина к чему относится и где проходит граница? Верхняя или нижняя половина у меня японская? Или разделяющая меня черта проходит по диагонали? Однажды, когда мне было лет десять-одиннадцать, ко мне в парке подошли несколько мальчиков и спросили, косая ли у меня вагина, раз я азиатка. Это тоже меня ошеломило. До этого я никогда не слышала, чтобы слово «вагина» произносили громко вслух.

⁶ Chinese, Japanese – «китаёзы», «япошки». (Прим. перев.)

Я росла в штате Коннектикут и никогда не думала о себе как «наполовину белой» или «наполовину американке». Американец был белым по умолчанию, так что эта моя половина не нуждалась в обозначении. Белый американец – это было не смешно, там было не над чем пошутить, не на что показать пальцем. Осознавали ли мы, что в основе наших детских игр лежит расизм? Думаю, что нет, во всяком случае, не вполне.

Нам просто казалось забавным корчить рожи, карикатурно раздувая щеки и скашивая глаза, изображая «азиатский кроличий прикус»⁷, негритянские губы, пороссячьи носы. Наши лица были юными и податливыми, как пластилин, мы растягивали их и искажали свои черты до карикатурного гротеска. Мы смеялись. Нам было весело. Нас никто не останавливал. Такие слова, как «китаеза» и «япошка», были частью обычного послевоенного лексикона, но каким-то образом мы понимали, что ими можно шутить, а вот другие слова: «чинк», «джеп», «нип», «нигтер» – те не для шуток⁸.

Но даже не осознавая до конца расистскую подоплеку наших игр, мы ощущали волнующую запретность расовых стереотипов. Мое понимание как у полукровки было в чем-то глубже. Каким-то подсознательным, врожденным образом я чувствовала опасную нестабильность, которая возникает при смешении крови. Я понимала, что идентичность изменчива, что она существует в широком спектре и что у меня до некоторой степени есть выбор, в какую сторону определиться. Поэтому, когда дети корчили рожи, я хоть и испытывала неловкость от того, что меня отождествляли с кривым половинчатым лицом, думается, к этой неловкости примешивалось облегчение и даже благодарность судьбе за то, что зло, которое я олицетворяю, будучи наполовину азиаткой, составляет лишь половину того, что еще могло быть. И вот, чтобы еще больше слиться с гегемонией и укрыться от по-настоящему плохих наименований, я повышала голос и присоединялась к общему хору, вытаращив глаза и распевая «чайни-и», «джапани-и». Главное, как я поняла, это приладиться к «ключевой фразе» с правильной стороны.

Еще мы играли в такую игру: когда выпадал первый снег, мы с моей лучшей подругой Джейн брали палки, выходили на улицу и рисовали на снегу рожицы. Я рисовала японцев, а Джейн – американцев. Мы играли во Вторую мировую войну, а эти лица были нашими войсками. Тот, у кого больше войск, выигрывает войну. Лица должны были быть одинаковыми: большой круг – голова, две точки вместо носа и черточка вместо рта. Только глаза были разными. Я рисовала лишь косые черточки, двумя быстрыми взмахами по снегу, а Джейн приходилось полностью вырисовывать глаза кружочками. Это занимало у нее гораздо больше времени, а поскольку мы рисовали наперегонки, то она всегда проигрывала. Мы играли до сумерек, пока вся улица не покрывалась рожицами, и моя Япония каждый раз побеждала. Нам не приходило в голову, что мы переписываем историю.

⁷ Распространенный в США в середине XX века стереотип. (Прим. перев.)

⁸ Презрительные наименования китайцев (*Chink*), японцев (*Jap*, *Nip*) и негров (*nigger*).

Тайм-код 00:17:28

00:17:28 Я всегда чувствовала себя немного странно, когда подводила глаза. Словно я жульничаю или предаю саму себя, пытаюсь нарисовать глаза побольше. То же самое с тушью для ресниц. У меня небольшие азиатские ресницы, так зачем притворяться?

00:19:02 Чувствую себя идиоткой. Дурацкий эксперимент. Какой-то нарциссический. И солипсистский. Скучно. Не хочу больше этим заниматься. Может, пора попить кофейку?

00:20:46 Глубокий вдох. Возьмем себя в руки. Сделаем еще одну попытку. Взгляд не отводить. Итак, что мы видим? Мешки под глазами. Обвисшие, слегка припухшие. Достались мне от отца. Впервые я обратила на них внимание, когда мне было под сорок. И пришла в ужас. Я не хотела выглядеть как отец. Мне не хотелось, всякий раз глядя в зеркало, встречаться с его поникшим, разочарованным и укоризненным взглядом. Но я ничего не могла с этим поделать. Мешки никуда не исчезали. Они были самой заметной частью моего лица. Может быть, никто больше их не замечал, но я не могла смотреть на свое лицо и не видеть их. Думаю, примерно в это время я начала носить очки в толстой оправе.

00:24:32 Вот странно. Вдруг осознала, что уже несколько лет не обращала на эти мешки особого внимания. То есть, я их замечаю, глядя в зеркало, но больше не заикиваюсь на них. Что изменилось? Уж конечно не сами мешки. Они-то если и изменились, то в худшую сторону. Может, я к ним просто привыкла? А может быть, изменилось мое отношение к отцу? Он уже пятнадцать лет как умер. Боль и мука, которые причинила мне его смерть, поутихли, и теперь, когда я встречаюсь с его взглядом в своем отражении, я уже не вижу упрека и разочарования. Вместо осуждения я вижу заботу, тревогу, и может быть, даже некое сочувственное понимание. Тогда мне это нравится, так гораздо лучше! Тогда я не против встречаться с ним здесь, в зеркале. По-своему, это даже здорово. Привет, пап. Как ты там?

Истинное лицо

- *Как выглядело твое лицо до рождения твоих родителей?*

Буддийские коаны – это маленькие аллегорические жемчужины, предназначенные для того, чтобы поломать над ними голову. Это древние мысленные эксперименты, упорное созерцание которых должно приводить к просветлению; только в отличие от западных философских мысленных экспериментов действуют коаны не путем рассуждений. Они больше похожи на эксперименты по избавлению от мыслей, и сила их заключается в способности разрушать застывшие дуалистические рассудочные шаблоны и выходить за рамки рационального, рассуждающего ума. Тем не менее от привычки к рациональной интерпретации не так-то легко избавиться, и за прошедшие столетия учителя дзэн написали обширные комментарии к литературе по коанам.

Так что же означает этот коан? Как пояснил в XIII веке буддистский учитель Эйхей Догэн⁹, «ваше лицо до рождения ваших родителей» – это ваше истинное лицо, ваша изначально просветленная природа будды. Существует вторая версия этого коана: *не обсуждая добро и зло, какое у тебя истинное лицо?* В сущности, эти два коана задают один и тот же вопрос: «Кто ты? Каково твое истинное «я», твоя неразделенная природа? Какова твоя личность до и вне таких определяющих ее дуалистических делений, как отец/мать и добро/зло?»

Я родилась в 1956 году, через одиннадцать лет после окончания Второй мировой войны, когда американцы еще были добром, а японцы злом, и тогда недуалистичное понимание было

⁹ Dōgen Zenji (####; также Dōgen Kigen ####, или Eihei Dōgen ####) (1200–1253), основатель дзен-буддистской школы Сото. (Прим. авт.)

невозможно. За одиннадцать лет до моего рождения две мои половинки были смертельными врагами. Соплеменники моей матери убивали соплеменников моего отца, и наоборот, и я очень рано осознала эту вражду и поняла, что сама являюсь ее воплощением. Но мое лицо выражало нечто противоположное этой вражде: силу притяжения – настоящую любовь, секс, расовое кровосмешение, называйте как хотите, – то, что вызвало меня к жизни. С учетом всех этих первобытных и противоречивых страстей, бурливших под поверхностью моей кожи, неудивительно, что мое лицо вызывало у людей некое беспокойство.

В том расово и этнически сегрегированном обществе, каким была Америка в пятидесятых-шестидесятых годах, невозможно было, взглянув в лицо человеку смешанной расы, сразу же не вспомнить о половых и прочих различиях. Эти ассоциации могут возникать подсознательно, но наш мозг запрограммирован на работу с определенными шаблонами, и когда мы замечаем отклонение от них, мы инстинктивно пытаемся разобраться, «как» и «почему». Но мысли о половой и этнической принадлежности часто кажутся неправильными, особенно когда их вызывает лицо ребенка. Дети смешанной расы заставляют взрослых чувствовать себя неловко. Мы заставляем людей вести себя странным образом.

Когда я была маленькой, ко мне на улице подходили совершенно незнакомые люди, заглядывали мне в лицо и спрашивали: «Что ты такое?» Любопытные, агрессивные, похотливые или наивные, они ничего не могли с собой поделать. Они реагировали на что-то такое в моих чертах, нечто настолько экзистенциально тревожное, что оправдывало даже грубость – во всем было виновато было мое лицо. Своим отказом определиться в пользу чего-то одного оно вызывало у них дискомфорт.

«Ни то ни се; ни рыба ни мясо».

Полукровка, помесь, гибрид, химера... в необычном случае типа «зловещей долины» обычные правила поведения теряют силу.

Демографическая ситуация изменилась, и сейчас в мире гораздо больше людей смешанной расы, но в те годы мы были скорее аномалией. А политика толерантности еще только зарождалась, поэтому язык, на котором мы общались, был не особо тонким, не слишком точным и грубоватым. Сейчас люди дважды подумают, прежде чем спрашивать, что ты такое. Они поинтересуются об этом каким-нибудь другим способом. Но в те времена мы как-то меньше осознавали, насколько это расистский вопрос, и, возможно, были более терпимы к его неуклюжести.

Мои родители, насколько помню, никогда не возмущались и не обижались. Они оба были лингвистами и с пониманием относились к человеческой страсти к таксономии¹⁰ и потребности идентифицировать, классифицировать и находить смысл через слова.

Мой отец был преподавателем на кафедре антропологии в Йельском университете, и в то время все его коллеги были белые мужчины¹¹. В Нью-Хейвене тогда не было такого большого азиатского сообщества, и единственными знакомыми мне азиатками были такие же, как моя мама, жены белых мужчин-антропологов. Правда, даже шутка такая ходила: чтобы получить место на кафедре антропологии Йельского университета, нужно жениться на восточной женщине. «Восточными» тогда называли азиатов, и смеялись над этой шуткой в основном сами восточные жены. Они представляли собой довольно экзотическую демографическую подгруппу, эти жены антропологов, как и мы, их дети полуазиатского, полуантропологического происхождения.

¹⁰ Наука о принципах классификации. (Прим. перев.)

¹¹ Первая женщина-профессор появилась в Йельском университете в 1970 году. (Прим. авт.)

Постепенно взрослея, я была и собой, и «другим» сразу, наблюдателем и объектом наблюдений одновременно. Полуазиатка, полуантрополог – ничего удивительного, что я сейчас сижу перед зеркалом и изучаю свое лицо. Склонность к вуайеризму, к этакому этнографическому самоанализу у меня в генах!

Тайм-код 00:34:12

00:34:12 Что ж, теперь перейдем ко лбу. Лоб у меня ОГРОМНЫЙ. У меня чрезвычайно широкий и обширный лоб, который, опять-таки, достался мне от отца. Папе для размещения его большого мозга действительно требовалось много офисного пространства. В моем случае это излишество. Кожа стала какой-то пергаментной, на ней возникло несколько тоненьких горизонтальных складок, но в целом лоб у меня все еще довольно гладкий.

00:39:49 На лбу у меня два шрама. Тот, что поменьше, который я прячу под челкой, я получила, когда мы с приятелем фехтовали и он ударил меня ручкой от метлы. А большой шрам, который идет вертикально по всей правой стороне лба, я получила, когда ходила в третий класс, во время катания на санках за Йельской школой богословия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.